

Николай Михайлович Карамзин

**О Московском мятеже
в царствование Алексея
Михайловича**

Николай Михайлович Карамзин

О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича

«...Кровопролитие, мятежи и бедствия составляют главную и, к несчастью, любопытнейшую часть всемирных летописей; но История нашего отечества, подобно другим описывая жестокие войны и гибельные раздоры, редко упоминает о бунтах против Властей законных: что служит к великой чести народа Русского. Он, кажется, всегда чувствовал необходимость повиновения и ту истину, что своевольная управа граждан есть во всяком случае великое бедствие для государства. Таким образом народ Московский великодушно терпел все ужасы времен Царя Ивана Васильевича все неистовства его опричных, которые, подобно шайке разбойников, злодействовали в столице как в земле неприятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали – и только в храмах Царя Царей молили небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Иоанна...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

#1	0005
Примечания	0030

**Николай Михайлович
Карамзин**

**О Московскомъ мятежѣ въ
царствованіе Алексѣя
Михайловича**

Кровопролитіе, мятежи и бѣдствія составляютъ главную и, къ нещастью, любопытнѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но Исторія нашего отечества, подобно другимъ описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ Властей законныхъ: что служитъ къ великой чести народа Рускаго. Онъ, кажется, Всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ Царя Ивана Васильевича всѣ неистовства его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно принесли жалобу, не находили защиты, безмолвствовали – и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляетъ ему

для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа... Я говорю о *первомъ мятежѣ*, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Рускихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянные извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ нещастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патріарха Фила-

рета, который былъ истиннымъ Геніемъ-Хранителемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистию, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Θεодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго челоуѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ двора многихъ знаменитыхъ Патріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы[1], разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когла Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ, надѣясь титло-

мъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Ментора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію Народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтели. Морозова уважали, но не терпѣли: Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подати и откупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убдилъ Царя возвысить цѣну на соль и отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чистову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіи неклеименыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы едва ли основательныя[2], не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичъ Милославскій хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тестемъ Государя, осыпанный вдругъ благодѣянiami и

возведенный на степень Боярина, онъ старался обратить милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныя. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ переменною судьбы своей не переменялись душою: хотѣли только наслаждаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещевъ и шуринь его Троханіотовъ. Первый Начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить рассказамъ о

дѣлахъ сего человѣка[3]. Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. – Троханіотовъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяць выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Троханіотовъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усиленно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оставалось умереть съ голоду. – Напрасно утѣшенныя искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила пріучило ихъ къ царству милости и правосудія; време-

на прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Троханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго[4]. Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной переменны своего жребія.

Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, если бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ

ли Государи хотѣтъ народнаго притѣсненія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему, только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели – и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. – Народныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Рускимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію тучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе властителей бываетъ всегда предтечею Государственныхъ бѣдствій. Сіи Бояре могли бы укротить народъ отставкою Плещеева и Троханіотова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и людей своей фамиліи явно признать недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія бываютъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе го-

сударственного блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не лъзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 году[5], въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился... Граждане молили его быть отцемъ своего народа; рассказали все, что они терпятъ отъ судьи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго челоуѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарность

Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева; не требовалъ даже и его наказанія; Умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людей, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи?.. Къ несчастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію – даже бить ихъ, топтать лошадыми.... Тутъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самы-

хъ палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева... Бояринъ Морозовъ выходитъ на красное крыльцо, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщалъ имъ правосудіе и сдержитъ слово свое.... Напрасно; мятежники кричатъ ему: «намъ и тебя надобно; мы хотимъ и твоей головы!».. Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова; отбили ворота; умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ имъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина... Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ неистовыхъ; но они не тронули ее и сказали: *благодари Бога, что царица сестра твоя!*.. Такимъ образомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ Царской фамиліи.... Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки

съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святынь образъ и сняли съ нихъ богатя ризы; извѣстно, что въ старину сіи драгоценныя оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собою опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, обратился въ колодезь: Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Мятежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: однѣ пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за соляной откупъ; другія къ Плещееву, Троханіотову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никитѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шурины его спаслись

бѣгствомъ; но Чистовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постель. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался[6]: неѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человекомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтощиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣянїяхъ. Морозовъ, сильный въ щастїи, оказалъ всю малость души своей въ опасности, думалъ уже не совѣтовать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасаютъ ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушїемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезль

правленія.... Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъявлялъ нерѣшительность. Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому Городу.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремль войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцовъ, подъ начальствомъ офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но тутъ онъ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *добрые Нѣмцы! не троньте насъ; а мы впередъ будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Спасскія Ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собралися вѣрные Бояре, готовые умереть за Царя и отечество. Знатнѣйшій между ими былъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человекъ ум-

ный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и новыхъ обычаевъ, которыми Патріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и ласково: ибо всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному и юностию лѣтъ расположенный къ средствамъ кроткимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ. Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу [7], который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово наказать всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно

разошлись по домамъ своимъ.... Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ власть Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Троханіотовъ, не будутъ ему выданы и наказаны.... Никита Ивановичъ Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердію къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Троханіотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль....

Здѣсь Рускій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтитъ, что оно перешло за границы государственнаго блага, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Стрѣльцовъ и роты ино-

странная, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, естли они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глаззхъ народа, и другіе так-же, естли они будутъ пойманы.... Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія Ворота, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго: палачъ велъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали совершиться законному сряду казни, и съ лютостію растерзали человека, нѣкогда для нихъ страшнаго... Въ то же время Государь отправилъ Князя Семёна Пожарскаго въ слѣдъ за Троханіотовымъ; его догнали близь монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Юня. – Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ – и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ

въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мятежники, полагая, что сего Боярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за Его правосудіе, они разошлись по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мятежа и страха....

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась тишина въ городѣ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ... Китай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма.... Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ

онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничѣмъ другимъ не лѣзя остановить пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть....

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощаль въ Кремлѣ всю свою гвардію[8]. Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Троханіотова заняли чиновники достойные, извѣстные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія

исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной Дѣятельности гражданской. Бояре ъздили по улицамъ, и народъ изъяслялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое. Въ лѣтописяхъ міра – зрѣлище, котораго описанію останется навѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердець истинно Рускихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни – день былъ праздничный – Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ[9]... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ нему, громогласно изъясляя усердію къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что, Ему горестно было свѣдать все, претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, ко-

торая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Троханіотова, будутъ править и судить по уставу челоуколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немелленно уничтожатся: что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ составятъ единственный предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя Ему любеное: имя отца народнаго».... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Рускихъ... Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виновнымъ, и не требовавъ еще въ Свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они исполнятъ первую прозьбу Его и простятъ сего Боярина,

который – за что Онъ ручается – заслужить
впредь любовь и дружбу ихъ; что естли они
не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то
Онъ исключить его изъ сего Верховнаго
Совѣта, желая только, чтобы народъ не требо-
валъ головы челоуѣка, который былъ Ему
вторымъ отцомъ и Наставникомъ»... Глаза
чувствительнаго Монарха наполнились сле-
зами: онѣ составили неизъяснимо-трогатель-
ное заключеніе Его рѣчи – и самые тѣ, кото-
рые не давно еще свирѣпствовали какъ не ис-
товые мятежники въ столицѣ, были пора-
жены симъ зрѣлицемъ: упали на колѣна,
цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклица-
ли единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и
Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!..* Сердеч-
ное удовольствіе изобразилось на лицѣ Мо-
нарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъ-
явилъ народу Свою признательность;
увѣщавалъ его быть кроткимъ и послушны-
мъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ
Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнить
ихъ.... Съ сими словами Государь сѣлъ на ко-
ня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ
возвратился въ Кремль....

Такое дѣйствію Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати-двулѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича – минута, въ которую Онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*; ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, быть истиннымъ отцемъ народнымъ – сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца!.. мысль плѣнительная!.. Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Отирая

сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи челоуѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утѣшить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія; она прощаетъ, но не проситъ – и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.*

Черезъ нѣсколько дней послѣ того[10] Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхаль верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благотворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, естли дѣло его было право. Подобно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать Самъ Собою, ча-

сто присутствовать въ Совѣтъ и входить во всѣ дѣла: ибо Онъ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щастіемъ Государя.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ твердыхъ и строгихъ.

О. Ф. Ц.

Примечания

Указатель къ **Вѣстнику Европы** 1802–1830
37. О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича (ч. 11, № 18, стр. 119–145). Статья Н. М. Карамзина, перепеч. въ П. С. С., изд. Смирдина, т. 1, стр. 398. Здѣсь описанъ первый бунтъ, бывшій въ Москвѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича; въ началѣ говорится о причинахъ, побудившихъ къ возстанію и о виновности боярина Морозова; за тѣмъ слѣдуетъ подробный рассказъ самаго мятежа, заимствованный изъ путешествія Олеарія.

Сноски

Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакаль родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери и тронъ дорого стоилъ его доброму сердцу.

[^^^]

За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменныхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣе покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ попортилось множество рыбы отъ недосоленія.

[^^^]

3

Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

[^^^]

4

Царь подарилъ ему домъ въ Кремль; но пышный Милославскій изломалъ его и построилъ новый.

[^^^]

5

То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

[^^^]

6

Подъ вѣниками, говоритъ Олеарій.

[^^^]

Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ *отъ слова до слова* повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

[^^^]

То есть, Стрѣльцовъ.

[^^^]

Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

[^^^]

Въ *Лѣтописи о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Юня; но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Олеарій, рассказывая достовѣрно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Юня. — Г. Голиковъ, положась на ядро Россійской Исторіи, говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ наказаль смертію многихъ мятежниковъ: что не сообразно ни съ другими вѣрѣйшими извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли Онъ согласиться на казнь Плещеева, Троханіотова. — Просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Морозова, и въ то же время казнить ихъ? Авторы Рускихъ записокъ мнимо-усердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ или, лучше сказать, Переводчикъ его Миссіи, сочинитель Ядра Россійской Исторіи. Онъ боялся унижить Алексѣя Михайловича излишнимъ

милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить въроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! – Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ втораго, бывшаго также въ царствованіе сего Монарха.

[^^^]